

журнал
критики и литературоведения

ВОПРОСЫ литературы

Май – Июнь 2015
Основан в 1957 году

Литературная карта

- 186 Л. ПОЛЯКОВА. Филологическая регионалистика как наука

В творческой мастерской

- 202 Т. ЖИРМУНСКАЯ. Золотая рыбка или рваный башмак?
Беседу вела Е. Константинова

Сравнительная поэтика

Шекспир

- 223 И. ЕРШОВА, О. ПОПОВА. «Она меня за муки полюбила».
Шекспировский сюжет глазами Вазнера-романтика
239 А. СЕРГЕЕВА-КЛЯТИС. От Дедаломона к «Царю Спарты»:
о стихотворении Пастернака «Уроки английского»
252 Р. СТЭНТОН. Юлий Цезарь в подвале:
Бабель и Шекспир

Филология в лицах

- 262 Из воспоминаний М. Григорьева.
*Публикация Э. Миркамазовой, предисловие В. Масловского,
подготовка текста и комментарии В. Масловского
и А. Холковой*

In Memoriam

- 325 В. ЕСИПОВ. «Бремя таланта». *Бenedict Sarnov*

Публикации. Воспоминания. Сообщения

- 335 «Исследователь и пропагандист русской культуры...»
Юлиан Оксман о Николае Смирнове-Согольском.
*Неопубликованные устные воспоминания и письма.
Публикация, предисловие, подготовка текста и комментарии
М. Фролова*

Заметки. Реплики. Отклики

- 359 О. ЛЕКМАНОВ. Америка и американцы в последней книге
Ильфа и Петрова

Обзоры и рецензии

- 369 А. КОЛЕСНИКОВ. Вечный вызов. *Русский театральный
авангард и его «всемирная отзывчивость»*

Книжный разворот

- 380 Библия короля Икова: 1611–2011. Культурное и языковое
наследие (Л. ЕГОРОВА); Робер Фоссе. Люди Средневековья
(Н. ДОЛГОРУКОВА); У. Шекспир. Король Лир: Кварто 1608,
Фолзо 1623 (О. ПОЛОВИНКИНА); Stuart Sillars. Shakespeare
and the Victorians (Е. ШЕВЧЕНКО); The Cambridge companion
to Shakespeare and contemporary dramatists (И. ШАЙТАНОВ);
Medieval Shakespeare: Past and Presents (М. ЕЛИФЕРОВА);
L. Erne. Shakespeare as Literary Dramatist (И. ШАЙТАНОВ);
The Cambridge Companion to C. S. Lewis (О. ПОЛОВИНКИ-
НА); Shakespeare beyond English: a global experiment (Л. ЕГО-
РОВА)

- 408 Коротко об авторах статей

- 411 Summary

А что слышно о новом издании вашей последней книги? 2 мая мы будем уже в Москве и рады будем видеть Софью Петровна и вас в любое удобное для вас время.

Ваш Юл. Оксман

¹ Почтовая открытка, штемпель отправления: 26.04.60. Ялта.
² Мемнинн Сергиевского посада // Комсомольская правда. 1960. 13 марта. Эта статья Смирнова-Сокольского была посвящена С. Перелетчикову — переводчику французского романа «Ложный Петр III, или Жизнь, характер и злодеяния бунтовщика Емельяна Пугачева», изданного в Москве в 1809 году (см.: Н. П. Смирнов-Сокольский как историк книги и библиофил: Опыт библиографии / Сост. О. Г. Ласунский. Воронеж: Центрально-Черноземное книжное изд., 1967. С. 13). «Специальная немецкая работа», о которой упоминает Оксман, была опубликована годом ранее: *Gilzerodt W. Der erste Roman über Emeľjan Pugačev // Zeitschrift für Slawistik. Vol. 3. Issue 1—5 (May 1958). P. 719—724.*

³ Имеется в виду второе издание «Рассказов о книгах», вышедшее в 1960 году.

Публикация, предисловие, подготовка текста
и комментарии Максима ФРОЛОВА

358

Заметки. Реплики. Отклики

Олег ЛЕКМАНОВ

АМЕРИКА И АМЕРИКАНЦЫ В ПОСЛЕДНЕЙ КНИГЕ ИЛЬФА И ПЕТРОВА

Памяти Александры Ильичовны Ильф

В сентябре 1935 года Илья Ильф и Евгений Петров в качестве специальных корреспондентов главной государственной газеты СССР «Правда» отбыли в Соединенные Штаты Америки. В 1935—1936 годах «Правда» напечатала шесть очерков, представлявших собой большие фрагменты из их будущей книги «Одноэтажная Америка».

Все это (время написания, место предварительной публикации фрагментов и самый статус серии заказных очерков) задает совершенно определенные предварительные ожидания от «Одноэтажной Америки». Несмотря на продолжающую оставаться очень высокой писательскую репутацию авторов, книгу начинаешь читать как разоблачительный памфлет против США.

* За участие в плодотворном обсуждении этой статьи сердечно благодарю А. Долинину, Ю. Цивьяна и М. Чудакову.

359

Необходимо сразу же и с облегчением отметить, что эти опасения не сбываются. Мало сказать, что книга Ильфа и Петрова объективна — она на удивление доброжелательна по отношению к американцам¹. Но это и не очерки с фигой в кармане, направленной в сторону государства-заказчика, как, скажем, изданный сорок лет спустя американский псевдотравелог Василия Аксенова: Ильф и Петров всегда остаются стопроцентно советскими писателями, решающими на страницах «Одноэтажной Америки» важные пропагандистские задачи, в том числе и те, которые были возложены на них газетой «Правда».

Как подобное совмещение удалось Ильфу и Петрову? В этом я и попытаюсь разобраться далее.

«Одноэтажная Америка» устроена так: соавторы путешествуют по США в автомобиле, делая непродолжительные остановки. Почти все конкретные американцы, которых они встречают и/или подвозят на своем пути (крупный план, ближний ярус пространства), показаны в книге с большой симпатией.

Вот несколько портретов и зарисовок, выхваченных из «Одноэтажной Америки» почти наудачу:

¹ Очень важно сразу же отметить, что период путешествия двух соавторов по Америке и их работы над обсуждаемой книгой ознаменовался небывалым потеплением взаимоотношений между СССР и США. Подробнее см., например, в увлекательной книге: *Tzouliadis T. The Forsaken: An American Tragedy in Stalin's Russia*. N. Y.: Penguin Press, 2008. Тем не менее в советской прессе и в это время об Америке писалось как о едва ли не самом главным идеологическом противнике Советского Союза. Приведу только одну, но весьма выразительную иллюстрацию, взятую из номера все той же «Правды» от 1 августа 1936 года (№ 210/6816). На первой странице этого издания находим редакционную заметку «Американская газета о советских успехах в советско-американских деловых отношениях. На второй странице — установочную статью полковника В. Кондрашова со зловещим названием «Контур будущей войны», в которой далеко не последнее место уделяется рассуждениям об особенностях вооружения США.

360

Он так был счастлив помочь нам, с таким жаром объяснял, в каком месте надо свернуть направо, в каком налево и где можно дешево поужинать, что его товарищ чуть не плакал от зависти и все время пытался вступить в разговор².

Или:

Этот человек был создан, чтобы общаться с людьми, дружить с ними. Он испытывал одинаковое наслаждение от разговора с официантом, аптекарем, прохожим, от которого уезжал дорогу, шестилетним негртенком, которого называл «сэр», хозяйкой туристгауза или директором большого банка.

Или:

Черт бы побрал этих техасцев! Они умеют пасти коров и выносить удары судьбы. А может быть, примесь индейской крови сделала нашего спутника таким стоически спокойным! Француз или итальянец на его месте, может быть, впал бы в религиозное помешательство, а может быть, проклял бы бога, но американец был спокоен.

Или:

...закончив песни и пляски, Агапито Пина вовсе не стал кланяться денег, совсем не пытался всунуть нам фотографию. Оказалось, что он желал просто доставить удовольствие своим гостям.

Или:

Негр был отчаянно молодой и длинноногий. Ноги у него, казалось, начинались от подмышек. Он танцевал и выбивал четкость с истинным удовольствием. Руки его как-то замечательно болтались вдоль тела.

² Здесь и далее «Одноэтажная Америка» цитируется по изданию: Ильф И., Петров Е. Собр. соч. в 3 тт. Т. 4. М.: ГИХЛ, 1961.

361

Или:

Человек в красной рубашке оказался одним из самых интересных людей, каких мы встречали в Соединенных Штатах Америки.

Или:

Мальчик был хороший. Он снял свой пыльник и оказался в сером пиджаке и рабочих вельветовых штанах цвета ржавчины...

Подобные примеры можно множить и множить. Среди трех десятков портретов американцев, набросанных в книге Ильфа и Петрова, лишь два (!) — бывшего боксера мистера Шарки и банкира Моргана-младшего — откровенно сбиваются на сатирическую карикатуру³.

А вот когда соавторы от портретов конкретных американцев переходят к генерализующим суждениям об Америке (общий план, дальний ярус пространства), они часто выступают в роли беспощадных критиков государственного устройства той страны, пейзажи и ландшафты которой стремительно сменяют друг друга за окнами их автомобиля.

Приведем несколько выразительных примеров, в которых сугубую конкретику сменяют рассуждения о человеческих единицах:

Официально человека никогда не выгонят за его убеждения. Он волен исповедовать в Америке любые взгляды, любые верования. Он свободный гражданин. Однако пусть он попробует не ходить в церковь, да еще при этом пусть попробует похвалить коммунизм, — и как-то так произойдет, что работать в большом маленьком городе он не будет.

³ Сравним с «Двенадцатью стульями» и «Золотым теленком», где, напротив, на тридцать отрицательных персонажей приходится два-три, изображенных с симпатией (Остап Бендер, инженер Треухов, Зося, комсомолцы — попутчики Остапа, etc.).

Или:

Буржуазия похитила у народа искусство. Но она даже не хочет содержать это украденное искусство.

Или:

Ах, какую страшную жизнь ведут миллионы американских людей в борьбе за свое крохотное электрическое счастье!

Или даже:

Толпы еще не взойшедших звезд наполняют город, красивые девушки с неприятными злыми глазами. Они хотят славы — и для этого готовы на все. Может быть, нигде в мире нет такого количества решительных и несимпатичных красавиц.

И так далее и тому подобное.

Не случайно наряду с многочисленными образами конкретных жителей США и Мексики в книге Ильфа и Петрова возникает формула «средний американец», и вот к этому-то «среднему американцу» соавторы иногда бываю очень строги.

Именно с обобщенной Америкой, населенной «средними американцами», Ильф и Петров предпочитают сравнивать СССР, неизменно отдавая предпочтение стране побеждающего социализма:

Надо увидеть капиталистический мир, чтобы по-новому оценить мир социализма. Все достоинства социалистического устройства нашей жизни, которые от ежедневного сопоставления с ними человек перестает замечать, на расстоянии кажутся особенно значительными.

Или:

Где-то в Чикаго на бойнях были скот и везли его по всей стране в замороженном виде. Откуда-то из Калифорнии тащили охлажденных кур и зеленые помидоры, которым полагалось дозревать в вагонах. И никто не смел вступить в борьбу с могущественными монополистами. Сидя в кафетерии, мы читали речь Микояна о том, что еда в социалистической

стране должна быть вкусной, что она должна доставлять людям радость, читали как поэтическое произведение.

В последнем примере обратим особое внимание на обезличивающие глаголы: «били», «везли» и «тащили».

Особенно отчетливо разница между двумя способами Ильфа и Петрова показывать читателю Америку и американцев ощущается на тех страницах их книги, где общий и крупный планы (беглые обобщения-разоблачения и подробные доброжелательные портретные зарисовки) соседствуют в рамках нескольких абзацев.

Таков, например, фрагмент об автомобильном заводе Форда, где сначала, в унисон с литературой и кино того времени, в частности с «Новыми временами» (1936) Чаплина и зачином «Котлована» (1930) Андрея Платонова⁴, обличается власть машины, подавивших человеческую индивидуальность:

На главном фордовском конвейере люди работают с лихорадочной быстротой. Нас поразила мрачно-возбужденный вид людей, занятых на конвейере. Работа поглощала их полностью, не было времени даже для того, чтобы поднять голову. Но дело было не только в физическом утомлении. Было похоже, что люди угнетены душевно, что их охватывает у конвейера ежедневное шестичасовое помешательство, после которого, воротясь домой, надо каждый раз подолгу отходить, выдирать, чтобы на другой день снова впасть во временное помешательство.

Затем Ильф и Петров переходят к обобщениям, выявляя, как и положено корреспондентам «Правды», социальную подоплеку представленной ими путающей картины:

⁴ Ср. в платоновском «Котловане»: «В день тридцатилетия личной жизни Вошеву дали расчет с небольшого механического завода, где он добывал средства для своего существования. В увольнительном документе ему написали, что он устраняется с производства вследствие роста слабости в нем и задумчивости среди общего труда».

Труд расчленен так, что люди конвейера ничего не умеют, у них нет профессии. Рабочие здесь не управляют машиной, а прислуживают ей. Поэтому в них не видно собственного достоинства, которое есть у американского квалифицированного рабочего. Фордовский рабочий получает хорошую заработную плату, но он не представляет собой технической ценности. Его в любую минуту могут выставить и взять другого. И этот другой в двадцать две минуты научится делать автомобили. Работа у Форда дает заработок, но не повышает квалификации и не обеспечивает будущего <...> Это удивительная картина торжества техники и бедствий человека.

Тем не менее завершается весь этот кусок изображением конкретного американского маляра, где классовое сочувствие и негодование сменяются откровенным и неторопливым любованием, без какой бы то ни было социальной подоплеки:

Среди гама сборки и стука автоматических гаечных ключей один человек сохранял величавое спокойствие. Это был маляр, на обязанности которого лежало проводить тонкой кисточкой цветную полосу на кузове. У него не было никаких приспособлений, даже мушкетера, чтобы поддерживать руку. На левой руке его висели баночки с разными красками. Он не торопился. Он даже успевал окинуть свою работу вскапательным взглядом. На автомобиле мышиного цвета он делал зеленую полосу. На апельсиновом такси он провел синюю полосу. Это был свободный художник, единственный человек на фордовском заводе, который не имел никакого отношения к технике, какой-то нюрнбергский мастер-стернгер, свободолюбивый мастер малярного цеха.

Еще более интересным и показательным представляется следующий фрагмент из книги Ильфа и Петрова:

Проезжая городок Лафайет, мы увидели большую, протянутый поперек улицы, плакат с изображением неприятной, самодовольной физиономии и с жирной надписью: «Выберите меня шерифом. Я — Друг народа!» Этот вопль полицейского друга народа из штата Луизиана напоминал манеру недав-

но убитого луизианского сенатора Хью Лонга, который тоже считал себя «другом народа», всего народа, за исключением негров, мексиканцев, интеллигентов и рабочих, и требовал разделения богатств, всех богатств, за исключением пяти миллионов, которые, по мысли Хью Лонга, необходимо было оставить каждому миллионеру.

О сенаторе Хью Лонге соавторы говорят с явным неодобрением. Но ведь Ильф и Петров никогда не видели этого человека; он для них — фигура-символ с капиталистического горизонта, воплощенный тип циничного американского государственного деятеля. Сходный пассаж соавторы посвящают и гангстеру Аль-Капоне, которого въеве они тоже никогда не встречали:

В тюрьме Аль-Капоне пописывает антисоветские статьи, которые газеты Херста с удовольствием печатают. Знаменитый бандит и убийца (вроде извозчика Комарова, только гораздо опасней) озабочен положением страны и, сидя в тюрьме, сочиняет планы спасения своей родины от распространения коммунистических идей. И американцы, большие любители юмора, не видят в этой ситуации ничего смешного.

Однако и «неприятную, самодовольную физиономию» «полицейского "друга народа"» из штата Луизиана Ильф с Петровым видят *только на плакате*, проезжая по городку Лафайет. То есть нам вновь демонстрируют физиономно-обобщение, физиономию — символ «неприятного и самодовольного» полицейского чина из капиталистической страны. Для описания своей *реальной* встречи с американским полицесменом соавторы подбирают совсем другие слова:

Занятые осмотром автомобиля, мы не заметили, как к нам приблизился огромный полицесмен.

— Вы хозяева автомобиля? — спросил он громовым голосом.

— Иэс, сэр! — испуганно чиркнул мистер Адамс.

— А-а-а! — проревел гигант, глядя сверху вниз на маленького толстенького Адамса. — А вы знаете, черт вас побери, где надо ставить машины в городе Чикаго?

— Но, мистер офицер... — подобострастно ответил Адамс.

366

— Я не офицер! — заорал полицейский. — Я всего только полицесмен. Вы что, разве не знаете, что нельзя оставлять автомобили перед отелем на такой магистрали, как Мичиган-авеню? Это вам не Нью-Йорк. Я покажу вам, как надо ездить в Чикаго!

Мистеру Адамсу, вероятно, почудилось, что «мистер офицер» сейчас начнет его бить, и он закрыл голову руками.

— Да, да! — орал полицейский. — Это вам не Нью-Йорк, чтобы бросать ваше корыто посредине самой главной улицы! Он, очевидно, сводил какие-то свои стародавние счета с Нью-Йорком.

— Знаете ли вы, что мне пришлось лезть в ваш паршивый кар, перетаскивать его на это место, а потом два часа следить, чтобы его не украли?!

— Иэс, мистер офицер! — пролепетал Адамс.

— Я не офицер!

— О, о! Мистер полицесмен! Ай эм вери, вери сори! Я очень, очень сожалею!

— Уээ! — сказал полицесмен, смягчаясь. — Это вам Чикаго, а не Нью-Йорк!

Мы думали, что нам дадут «тикет» (получающий «тикет» должен явиться в суд), что нас беспощадно оштрафуют, а может быть, даже посадят на электрический стул (кто их там знает в Чикаго!). Но гигант вдруг захохотал страшным басом и сказал:

— Ну, езжайте. И в другой раз помните, что это Чикаго, а не Нью-Йорк.

Мы поспешно влезли в машину.

— Гуд бай! — крикнул, оживившись, старик Адамс, когда машина тронулась.

— Гуд бай, мистер офицер!

В ответ мы услышали лишь неясный рев.

Можно было бы предположить, что все дело для Ильфа и Петрова кроется в социальной иерархии и соавторы изображают простого полицесмена («Я не офицер!») с симпатией, а полицейского начальника с безразличностью («неприятная, самодовольная физиономия»). Но это предположение опровергается многочисленными контрпримерами, в частности — исполненным приязни портретом автозаводчика

367

Генри Форда, с которым Ильф и Петров (что важно) встречались и говорили лично и который из символа капитализма превратился для них в живого и заслуживающего уважения американца:

У него близко поставленные колючие мужские глаза. И вообще он похож на востроногого русского крестьянина, самородка-изобретателя, который внезапно сбрил наголо бороду и оделся в английский костюм.

Итак, мы видим, что *люди* изображаются в «Одноэтажной Америке» с любовью, а *государство* — с неприязнью.

Самое интересное и, как кажется, подтверждающее правильность сделанных выше наблюдений состоит в том, что, согласно Ю. Щеглову, в дилогии Ильфа и Петрова «Двенадцать стульев» и «Золотой тельенок» государство и его граждане соотносятся точно наоборот. Задавшись целью выяснить, как в этих романах искренний посторг перед перспективами Страны Советов сочетается с беспощадным высмеиванием недостатков реального социализма, Щеглов выдвинул чрезвычайно остроумную и продуктивную концепцию двухъярусного устройства пространства в произведениях об Остапе Бендере. Дальний ярус — величественный социализм на горизонте — Щеглов определил как утопический; ближний ярус — пространство, заполненное конкретными людьми в советском настоящем, — у Щеглова описывается как сатирический⁵.

Но ведь в «Одноэтажной Америке» в роли объекта изображения и авторской рефлексии выступает государство, полярно противоположное СССР.

Соответственно, абсолютный плюс сменяется абсолютным минусом; минус — плюсом. В романах социализм воспевается, граждане высмеиваются и обличаются; в документальной книге — граждане воспеваются, капитализм обличается и высмеивается.

⁵ См.: Щеглов Ю. К. Романы Ильфа и Петрова. Спутник читателя. 3-е изд. СПб.: Изд. Ивана Лимбаха, 2009.

368

Обзоры и рецензии

ВЕЧНЫЙ ВЫЗОВ

Русский театральный авангард и его «всемирная отзывчивость»

Сюжет новой книги Владимира Колязина задан впрямую в заголовке и развивается вокруг двух ярких имен нашего театра и двух немецких мастеров XX века: Мейерхольт, Таиров и Германия. Пискатор, Брехт и Россия: Очерки истории русско-немецких художественных связей¹. Это действительно очерки, но такие, за которыми встает сама история, и уже не одного театра и не одних этих деятелей. А скорее, протяженный эпический процесс, еще не вполне познанный, и он, как в огромной воронке, поглощает любого — мейерхольдовца, таировца, мхатовца, германиста, русиста (кто кем себя числит) — или вообще человека из области музыкального театра, такого как автор этих строк. Открытие новых фактов, их охват, разветвленное взаимодействие и последующее обобщение интегрируют интересы многих направлений современной гуманитарной науки. В этом

¹ Колязин В. Мейерхольт, Таиров и Германия. Пискатор, Брехт и Россия: Очерки истории русско-немецких художественных связей. Саарбрюкен: Palmartium Academic Publishing, 2013.

369

КОРОТКО ОБ АВТОРАХ СТАТЕЙ

Альми И. Л., литературовед, доктор филологических наук, доцент. Сфера научных интересов — поэтика А. Пушкина и Ф. Достоевского. Автор книг: «О поэзии и прозе» (2003), «Внутренний строй литературного произведения» (2011), а также многочисленных статей о русской классике.

Габриэлова А. Г., критик, кандидат филологических наук, преподаватель русского языка и литературы в университете Пурдюю (США). Сфера научных интересов — испанская и русская литература, сравнительное литературоведение.

Долгов К. М., 1931, доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Института философии РАН. Сфера научных интересов — философия, политика, дипломатия, религия, литература и искусство, культура. Автор ряда книг, среди которых «Реконструкция эстетического в западноевропейской и русской культуре» (2004), «От Киркергора до Камю: философия, эстетика, культура» (2-е изд., 2011).

Долгорукова Н. М., филолог, медиовед, кандидат филологических наук, преподаватель НИУ ВШЭ. Сфера научных интересов — медиоведение, сравнительно-историческое литературоведение, герменевтика, история филологии, теория перевода, французская литература Средних веков, рецептивная эстетика, бахтинистика. Автор ряда статей по указанной проблематике.

Егорова Л. В., литературовед, доктор филологических наук, профессор кафедры английского языка Вологодского государственного педагогического университета. Автор монографий «Английская литература Средних веков» (2004), «Английская Библия в культурной перспективе» (2009), «"О героическом энтузиазме", или Рождение метафизического стиля» (2009), а также ряда статей по русской и английской литературе.

Елифрова М. В., литературный критик, прозаик, кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры сравнительной истории литературы ИИИ РГГУ. Автор статей о современной литературе, а также литературе Средневековья и Нового времени.

Ершова И. В., литературовед, переводчик, кандидат филологических наук, доцент, профессор кафедры сравнительной истории литератур ИФИ РГГУ. Область научных интересов — западноевропейская литература Средних веков, испанистика. Автор статей по испанскому эпосу, испанской литературе и культуре Средних веков и Возрождения, испанскому театру барокко.

Есипов В. М., 1939, филолог, литературовед. Сфера научных интересов — русская поэзия пушкинской поры, литература XX века. Автор книг «Пушкин в зеркале мифов» (2006), «Божественный глагол: Пушкин. Блок. Ахматова» (2010), «Об утраченном времени» (2012), а также многочисленных статей о русской поэзии XIX—XX веков.

Жучкова А. В., литературовед, кандидат филологических наук, доцент кафедры русской и зарубежной литературы филологического факультета РУДН. Сфера научных интересов — русская и зарубежная литература XX

века, психопозитика и современный литературный процесс. Автор книги «История поэтики Осипа Мандельштама» (2009), а также ряда статей по русской литературе XX—XXI веков.

Колесников Г. К., 1960, член Союза писателей РФ, театральный и музыкальный критик, кандидат искусствоведения, дипломант Академии художеств РФ (1999), координатор международной акции *Belois de la Danse* («Балетный Белоус»). Автор книг и статей о литературе и театре.

Константинова Е. И., журналист, литературный редактор. Интервью с известными писателями, режиссерами, актерами, художниками публиковались в газетах «Сегодня», «Вечерний клуб», «Труд», «Новая газета», «Международная еврейская газета», журналах «Спутник», «Детская литература», «Истина и жизнь», «Российские вести» и др. В рубрике «В творческой мастерской» опубликованы беседы с В. Берестовым, В. Соколовым, Б. Заходером, Г. Владимовым, Г. Русаковым, К. Ваншенкиным, Т. Бек, А. Дмитриевым, Л. Беспаловой.

Курдин О. В., 1964, кандидат педагогических наук, прозаик, литературовед. Сфера научных интересов — идеология, идеологическое наполнение мифологем. Автор двух романов, а также ряда работ по зарубежной и современной русской литературе.

Лекманов О. А., 1967, литературовед, доктор филологических наук, профессор школы филологии гуманитарного факультета НИУ ВШЭ. Автор около 500 опубликованных работ, в том числе монографий «Осип Мандельштам. Жизнь поэта» (2009), «Mandelstam» (2010), «Поэты и газеты» (2013) и др.

Масловский В. И., 1941, литературовед, научный сотрудник Дома-музея Марины Цветаевой. Сфера научных интересов — история русской литературы XIX—XX веков, творчество М. Цветаевой.

Мешков В. А., 1948, кандидат технических наук, член редколлегии газеты «Обозрение крымских дел» (г. Евпатория), внештатный сотрудник газеты «Евпаторийская здравница». Сфера научных интересов — русская литература и Крым, история и краеведение Крыма и Евпатории. Автор книг «Михаил Булгаков и Крым: новые страницы» (2011), «Анна Ахматова: тайна крымского изгнания» (2014) и других работ о Крыме в творческой биографии русских писателей.

Половинкина О. И., доктор филологических наук, профессор кафедры сравнительной истории литератур ИФИ РГГУ. Сфера научных интересов — англистика, американистика, процессы модернизации и их отражение в литературе. Автор книг «"Проблески небес". Метафизический стиль в американской поэзии первой половины XX века» (2005), «Метафизический стиль в истории американской поэзии» (2011), «А также многочисленных статей о творчестве Дж. Донна, Т. С. Элиота и т. д.

Полякова Л. В., литературовед, критик, доктор филологических наук, научный руководитель Института филологии Тамбовского государственного университета им. Г. Р. Державина. Сфера интересов — история русской ли-